УДК 316.334.3(571.5)(091)

ББК ТЗ(2Р5)52-28/-29

DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-10-23

А. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОГО
КОРПУСА АЗИАТСКОЙ РОССИИ В СВЕТЕ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ
(К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ГРАФА Н. Н. МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО)

В статье дается анализ истории становления, развития, правового положения, особенностей деятельности и социологический портрет института генерал-губернаторской власти в Сибири. Отмечается, что генерал-губернаторская власть возникает в период образования империи и, наряду со столицами, получает прописку на окраинах государства. Подчеркивается, что в деятельности генерал-губернаторов окраинных территорий уже с самого начала можно наблюдать ряд особенностей, которых не было у их коллег из Европейской России.

Ключевые слова: Сибирь, империя, генерал-губернатор, окраинная политика, Азиатская Россия.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

SOCIAL PORTRAIT OF GOVERNOR-GENERAL'S CORPS OF ASIAN
RUSSIA IN THE LIGHT OF THE JUBILEE (TO THE 210TH
ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF GOVERNOR-GENERAL
IN THE EASTERN SIBERIA, GRAF N. N. MURAV'EV-AMURSKIY)

The article analyzes the process of formation, development, legal condition, activities peculiarities and social portrait of institute of the general-governor's power in Siberia. It has been truly stated that the general-governor's power is appeared along with the establishment of Empire, and is provided with residence in the state's suburbs together with the centers. The article highlights a set of features, which appeared in the beginning of the activities by general-governors from the suburbs and has been missed among their colleagues from European part of Russia.

Keywords: Siberia, empire, general-governor, marginal policy, Asian Russia.

История генерал-губернаторской власти в России своими корнями уходит в Петровскую эпоху. Уже в указах начала XVIII в. встречаются термины «губернатор» и «губерния» [Соколов 1903: 121], а в ряде царских указов 1706 г. фигурируют понятия «Ингермаландская губерния» и «губерния» [ПСЗРИ-I Т. IV: № 2097, 2310]. Однако это лишь эпизодические упоминания новых должностных лиц и адми-

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail: levdamshhek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет». E-mail: dameshek@rambler.ru.

нистративных образований. Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I в частности [1]. Важнейшей задачей этой реформы стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи. Страна была разделена на восемь губерний во главе с губернаторами – представителями знатнейших фамилий или сподвижниками Петра. Однако уже тогда во главе двух из них – Ингермаландской (с 1710 г. Петербургской) и Азовской были поставлены генерал-губернаторы А. Д. Меньшиков и Ф. М. Апраксин. Среди исследователей нет единой точки зрения о значении этого звания в петровскую эпоху. Такой авторитетный знаток истории губернаторской власти в России, как И. А. Блинов, отмечал, что эта должность не давала каких-либо дополнительных рычагов власти, никак не регламентировалась инструкциями, а была лишь почетным титулом [1905: 48]. Такой же точки зрения придерживается и Н. П. Ерошкин, автор соответствующей статьи в Советской исторической энциклопедии [1963: стб. 191]. Однако это не совсем так. Не отрицая почетного значения титула генерал-губернатора, обратим внимание на Азовскую губернию. Назначение туда Ф. М. Апраксина с титулом генерал-губернатора было примечательным по ряду позиций. Новоиспеченный генерал-губернатор не только принадлежал к ближайшим сподвижникам Петра I, но, в отличие от остальных губернаторов (в т. ч. своего родного брата П. М. Апраксина, назначенного «просто» губернатором в Казанскую губернию), имел звание генерал-адмирала, а с 1700 г. возглавлял Адмиралтейский приказ. В тот период Азовская губерния не только находилась на окраине государства, являясь сопредельной территорией, но и была своего рода буферной зоной, защищавшей южные земли России от разорительных набегов крымских татар. Кроме того, именно Азов был избран Петром I в качестве базы для строительства российского флота, чему преобразователь придавал исключительное значение. Поэтому назначение администратора, пусть даже с почетным, не дающим юридических преимуществ титулом, было неслучайным. Тем самым Петр I подчеркивал свое личное отношение и доверие к этому лицу, его заслуги перед Отечеством, отличие от остальных в системе чиновничьей иерархии. По сути этот первый прецедент, который бы предвосхитил известный впоследствии принцип личного особого доверия монарха к генерал-губернатору (наместнику), получил развитие в нормативных документах империи более позднего периода. Характерно, что уже к концу первой четверти XVIII в. генерал-губернаторы возглавляли не только столичные (Санкт-Петербургскую и Московскую), но и важные в стратегическом отношении окраинные губернии, населенные в значительной степени нерусскими народами. Последнее обстоятельство отмечено нами не случайно. Имея в виду именно его, А. Д. Градовский много позже писал, что в XVIII в. Москва «переваривала» западные окраины гораздо труднее, чем исконно русские земли [1899: 302]. Думается, что это закономерно, когда в 30-е гг. XVIII в. окраинные Рижская и Ревельская губернии возглавлялись генерал-губернаторами, а «внутренние» – Воронежская, Смоленская и др. – губернаторами.

Таким образом, генерал-губернаторская власть в России возникает в период образования империи. С первых десятилетий своего существования она наряду со столицами получает «прописку» на окраинах государства, заселенных большей частью нерусскими народами. Сама основа этой системы управления базировалась на рационалистической идеологии полицейского государства, предусматривающей регламентацию всех сторон жизни общества [Институт генерал-губернаторства... 2001: 32].

Возникнув в период петровских преобразований преимущественно как административно-хозяйственная, к началу эпохи великих реформ генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась

в европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах. В соответствии с теорией «местных особенностей» в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии: сибирские, Оренбургская, Кавказская, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Отмеченные особенности географии генерал-губернаторской власти в империи не являются случайными. Нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства [Дамешек 2002: 37–64]. Характерной чертой этого процесса была его полиэтничность и многовариантность вхождения окраинных земель в состав России. Эти обстоятельства и порождали особенности местного управления. Наступление же русской цивилизации на окраине приводило к отмиранию самой идеи особенных правил для конкретной территории. Однако на новых землях «особенные» порядки устанавливались вновь [Политическая история 1996: 338].

Во внутренней политике империи можно отчетливо наблюдать стремление к административно-финансовой унификации, с одной стороны, и необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин государства – с другой. Способность российской государственности учитывать эти «своеобразия» в практике административно-территориального устройства, законодательстве, конфессиональной политике обеспечивала не только эффективность и устойчивость имперского механизма управления, но в конечном итоге и само существование империи как таковой.

При выработке доктрины окраинной политики имперское правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: 1) увеличение налоговых поступлений; 2) удобство управления; 3) безопасность границ. Однако даже реализация одного из них – доходности края применительно к столь различным по основным параметрам территориям, как, к примеру, Сибирь, Кавказ или Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Это порождало поливариантность модели управления. Именно такая мозаичная управленческая практика позволяла империи успешно решать сложнейшие задачи регионального своеобразия.

Несмотря на существующие различия окраинных земель, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в ней генерал-губернаторской власти. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутривнутриполитическими осложнениями и объясняются изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в.

Дальнейшая эволюция генерал-губернаторской власти напрямую связана с особенностями пространственной конфигурации России (диополе Европа – Азия), расширением границ империи и включением в ее состав новых, зачастую нерусских народов, закономерным стремлением сановного Петербурга обеспечить прочность границ государства с сопредельными странами, часто недружественными или даже враждебно настроенными.

В исторической литературе со времени выхода капитального исследования С. М. Середонина существует традиция противопоставления генерал-губернаторов центральных и периферийных территорий [1901: 109]. Действительно, положение генерал-губернаторов было неодинаковым. Но в условиях абсолютной монархии определялось оно не законами (штатным расписанием и т. д.), а близостью к императору и его окружению. Со времени Петра I и до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно [Пестель 1875: 374].

Всего на огромной территории азиатской части империи со времени принятия Сибирского учреждения и до 1917 г. должность генерал-губернатора занимали 54 человека. В Восточно-Сибирском (с 1882 г. Иркутском) – 19 человек, Западно-Сибирском – 9, Приамурском – 8, Туркестанском – 12, Степном – 6.

Как свидетельствуют послужные списки, своими генеральскими эполетами они были обязаны отнюдь не расшаркиванию на дворцовых паркетах, а участию в реальных боевых действиях России XIX – начала XX в. Часть генерал-губернаторов до своего назначения на восток имела определенный опыт административной или дипломатической деятельности. В связи с активизацией политики России на азиатском и дальневосточном направлениях последнее обстоятельство приобретало немаловажное значение. Средний срок пребывания в должности генерал-губернатора в Сибири был около 6 лет, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) – 5,5, Степном – примерно 6 лет, Туркестанском – 4 года. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года, в Приамурском генерал-губернаторстве – 56 лет, Туркестанском – 54 года, Степном – 59 лет.

Можно заключить, что генерал-губернаторами в Азиатской России служили вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. В большинстве своем это были генерал-лейтенанты (35 %) или полные генералы (генералы от инфантерии, генералы от кавалерии. – *Авт.*) – 65 %, что соответствовало 3-му и 2-му классам Табели о рангах, 4 человека (7,3 %) имели статские звания. К этому следует добавить, что 9 (16 %) генерал-губернаторов являлись носителями родовых титулов князя, графа или барона, а 8 человек (15 %) имели свитские звания, т. е. были связаны со двором ЕИВ. Таким образом, генерал-губернаторы Азиатской России на деле принадлежали к правящей элите России. Образование высокопоставленных слуг престола было типичным для данной категории служащих – кадетские корпуса и военные училища, реже привилегированный пажеский корпус, в единичных случаях – домашнее образование. Никто из генерал-губернаторов или членов их семей не имел недвижимой наследственной или благоприобретенной собственности. Служба была единственным источником доходов этой категории служащих. Как и в европейской части страны, правительство высоко оценивало труд этих «блюстителей неприкосновенности верховных прав» самодержавия. Как правило, размер жалования был в 6–8 раз больше, чем у гражданских губернаторов региона (табл.).

Таблица

Социальный портрет генерал-губернаторов Азиатской России*

Восточно-Сибирские генерал-губернаторы (1822–1887)					
№	Ф.И.О.	Время замещения должности	Чин, звание	Титул, придворное звание	Годы жизни
1	2	3	4	5	6
1	Лавинский Александр Степанович	22.07.1822–06.12.1833	Действительный тайный советник	Не имел	1776–1844
2	Сулима Николай Степанович	06.12.1833–08.12.1834	Генерал-лейтенант	-//-	1777–1840
3	Броневский Семен Богданович	08.12.1834–29.07.1837	Генерал-лейтенант	-//-	1786–1858
4	Руперт Вильгельм Яковлевич	29.07.1837–29.06.1847	Генерал-лейтенант	-//-	1787–1849

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
5	Муравьев Николай Николаевич	29.06.1847– 19.02.1861	Генерал от инфантерии	Генерал- адъютант, граф (1858)	1809–1881
6	Корсаков Михаил Семенович	19.02.1861– 21.01.1871	Генерал-лейтенант	Не имел	1826–1871
7	Синельников Николай Петрович	21.01.1871– 14.12.1873	Генерал от кавалерии	-//-	1805–1892
8	Фредерикс Платон Александрович	14.12.1873– 10.08.1874	Генерал-лейтенант	Генерал- адъютант, барон	
9	Анучин Дмитрий Гаврилович	10.08.1874– 01.01.1885	Генерал-майор	Не имел	
10	Игнатьев Алексей Павлович	04.01.1885– 01.09.1887	Генерал-майор	Граф сви- ты Его Ве- личества, генерал- майор	22.05.1842– 09.12.1906
Иркутские генерал-губернаторы 1887–1917					
1	Игнатьев Алексей Павлович	06.05.1887– 13.05.1889	Граф, генерал-лейтенант	Граф сви- ты Его Ве- личества, генерал- майор	22.05.1842– 09.12.1906
2	Горемыкин Александр Дмитриевич	26.05.1889– 09.04.1900	Генерал от инфантерии	Не имел	10.01.1832– 08.06.1904
3	Патнелеев Александр Ильич	09.04.1900– 24.05.1903	Генерал-лейтенант	Генерал- адъютант	26.06.1838– 1917 (?)
4	Кутайсов Павел Ипполитович	24.05.1903– 01.01.1906	Граф, генерал от инфантерии	Не имел	1837– 05.07.1911
5	Кайгородов Михаил Никифорович	07.05.1905– 13.01.1906	Генерал-лейтенант, генерал от инфан- терии	-//-	1833–1918
6	Алексеев Константин Михайлович	17.11.1905– 01.07.1906	Генерал от инфан- терии	-//-	1851–1917
7	Селиванов Андрей Николаевич	29.04.1906– 24.07.1910	Генерал от инфан- терии	-//-	1847–1917
8	Князев Леонид Михайлович	24.07.1910– 1915	Тайный советник	Егермей- стер	1851–?
9	Пильц Александр Иванович	1915–1917	Действительный статский советник	Не имел	1870–1944
Западно-Сибирские генерал-губернаторы (1822–1882)					
1	Капцевич Петр Михайлович	22.07.1822– 25.07.1827	Генерал-лейтенант	Не имел	1772–1840
2	Вельяминов Иван Александрович	25.06.1827– 28.09.1834	-//-	Не имел	1771–1837
3	Сулима Николай Степанович	28.09.183– 28.01.1836	-//-	Не имел	1777–1840

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
4	Горчаков Петр Дмитриевич	28.01.1836– 13.12.1850	-//-	Князь	1775–1868
5	Гасфорд Густаф Христиинович	19.12.1850– 13.01.1861	Генерал от инфантерии	Не имел	1794–1874
6	Дюгамель Александр Осипович	13.01.1861– 28.10.1866	Генерал-лейтенант	Не имел	1801–1880
7	Хрущов Александр Павлович	28.10.1866– 1.01.1875	-//-	Не имел	1806–1875
8	Казнаков Николай Геннадьевич	1.01.1875– 19.02.1881	Генерал-адъютант, генерал от инфантерии	Не имел	1824–1885
9	Мещеринов Григорий Вастльевич	19.02.1881– 25.05.1882	Генерал-адъютант, генерал-лейтенант	Не имел	1827–1901
Приамурские генерал-губернаторы (1884–1917)					
1	Корф Андрей Николаевич	14.07.1884– 06.02.1893	Барон, генерал- адъютант, генерал от инфантерии	Барон	1831–1893
2	Духовской Сергей Михайлович	09.03.1893– 28.03.1898	Генерал-лейтенант	Не имел	1838–1901
3	Гродеков Николай Иванович	28.03.1898– 30.08.1902	Генерал от инфан- терии	Не имел	1843–1913
4	Субботич Деан Иванович	01.11.1902– 30.07.1903	Генерал-лейтенант	Не имел	1851–1912
5	Алексеев Евгений Иванович	30.07.1903– 12.1904	Наместник на Дальнем Востоке, адмирал, генерал- адъютант	Не имел	Нет дан- ных
6	Хрещатицкий Ростислав Александрович	02.12.1904– 18.11.1905	Генерал от кавалерии	Не имел	1841–1906
7	Унтербергер Павел Фридрихович	18.11.1905– 06.12.1910	Генерал-лейтенант	Не имел	1842–1921
8	Гондатти Николай Львович	29.01.1911– 05.03.1917	Тайный советник	Не имел	1860–1945
Туркестанские генерал-губернаторы (1867–1917)					
1	Кауфман Константин Петрович	14.07.1867– 04.05.1882	Инженер-генерал	Генерал-адъ- ютант	1818–1882
2	Черняев Михаил Григорьевич	25.05.1882– 01.02.1884	Генерал-лейтенант	Не имел	1828–1898
3	Розенбах Николай Оттонович	01.02.1884– 28.10.1889	-//-	Генерал-адъ- ютант	1836–1901
4	Вревский Александр Борисович	28.10.1889– 17.03.1898	Генерал от инфантерии	Барон	1834–1910
5	Духовской Сергей Михайлович	28.03.1898– 01.01.1901	-//-	Не имел	1838–1901
6	Иванов Николай Александрович	23.01.1901– 15.04.1904	Генерал-лейтенант	Не имел	1842–1904

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
7	Тевяшев Николай Николаевич	22.04.1904– 28.11.1905	Генерал от кавалерии	Не имел	1842–1905
8	Субботич Деан Иванович	28.11.1905– 1906	Генерал-лейтенант	Не имел	1852–1906
9	Гродеков Николай Иванович	15.12.1906– 08.03.1908	Генерал от инфантерии	Не имел	1843–1913
10	Мищенко Павел Иванович	02.05.1908– 17.03.1909	Генерал от артиллерии	Генерал- адъютант	1853–1918
11	Самсонов Александр Васильевич	17.03.1909– 1914	Генерал от кавалерии	Не имел	1859–1914
12	Мартсон Федор Владимирович	1914–1916	Генерал от инфантерии	Не имел	Нет дан- ных
13	Куропаткин Алексей Николаевич	22.07.1916– 05.06.1917	-//-	Не имел	Нет дан- ных
Степные генерал-губернаторства (1867–1917)					
1	Колпаковский Герасим Алексеевич	25.05.1882– 24.10.1889	Генерал от инфантерии	Не имел	1819–1896
2	Таубе Максим Антонович	24.10.1889– 05.07.1900	Генерал от кавалерии	Не имел	1864–1919
3	Сухотин Николай Николаевич	14.04.1901– 25.04.1906	Генерал-лейтенант	Не имел	1847–1918
4	Надаров Иван Павлович	25.04.1906– 08.06.1908	Генерал от кавалерии	Не имел	1851–1922
5	Шмит Евгений Оттович	08.06.1908– 24.05.1915	-//-	Не имел	1844–1915
6	Сухомлинов Николай Александрович	4.05.1915– 01.03.1917	Генерал-лейтенант	Не имел	1850–1918

* Сост. по: [Список генералитету...1809–1916; Список гражданским чинам...1843; Список гражданским чинам...1858–1869].

Среди генерал-губернаторов региона было немало выдающихся личностей, известных администраторов и активных участников крупных военных кампаний. В Туркестанском генерал-губернаторстве, несомненно, это первый генерал-губернатор К. П. фон Кауфман – единственный имеющий звание генерал-инженера и сыгравший значимую роль в завоевании и колонизации Россией регионов Центральной Азии. На противоположном конце империи – в Приамурском генерал-губернаторстве широтой взглядов выделяется его последний генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Выпускник Московского университета, участник многих крупных научных экспедиций, обладатель золотой медали за экспедицию в северную Сибирь, почетный гражданин Тюмени, Томска, Новониколаевска, Хабаровска, он вошел в историю вверенного его управлению края как истинный подвижник бескорыстного служения Отечеству.

Однако по масштабам и, главное, результатам деятельности среди генерал-губернаторского корпуса Азиатской России, несомненно, выделяется генерал-губернатор Восточной Сибири в период с 1847 по 1861 г. Н. Н. Муравьев, с 1858 г. – граф Амурский. За 14 лет управления этим весьма значимым в стратегическом и экономическом отношениях для России регионом он проявил себя не только как перспек-

тивно мыслящий дипломат, крупный администратор, но и как политик, определивший на многие десятилетия стандарт взаимоотношений государства и буддийской церкви России с ее сопредельными странами на востоке.

В последние годы отечественная историография пополнилась удачными исследованиями, посвященными личности этого незаурядного государственного деятеля, изучению результатов его служения в Сибири [Матханова 1998: 101–245; Ремнев 2004: 122–194; Дамешек 2002: 133–163]. Однако в свете 210-летнего юбилея со дня рождения Н. Н. Муравьева и новейших результатов исторической науки в оценке роли личности в формировании уклада основных граней жизни государства представляется целесообразным еще раз вернуться к оценке результатов его деятельности в Сибири в таких важных для государства и региона областях, как административные преобразования, оценка законодательства и практики его реализации по отношению к буддизму и, наконец, дальневосточной политики Н. Н. Муравьева.

Традиционно история административных преобразований Н. Н. Муравьева в Сибири рассматривается под углом образования Забайкальской области [ПСЗРИ-II: № 25394; Дамешек 2002: 146] и введения должности губернатора в Якутии [Там же: № 25395; Там же]. Следует подчеркнуть, что эти нововведения Н. Н. Муравьева были отнюдь не единичной яркой вспышкой проявления административных новшеств, а вытекали из стратегических замыслов продвижения России на Амур, а в конечном итоге – укрепления позиций государства на Дальнем Востоке, закрепления дальневосточных территорий в составе России. В этом смысле выбор Читы в качестве столицы нового административного образования как нельзя лучше соответствовал замыслам Н. Н. Муравьева. С формальной точки зрения, старинный Верхнеудинск имел гораздо больше прав на занятие места столицы Забайкалья. Основанный еще в 60-х гг. XVII в., город играл значительную роль в сношениях между Иркутском, Нерчинском и другими «даурскими городами», а в XVIII в. превратился в центр транзитной торговли с Китаем. В конце XIX в. обороты Верхнеудинской ярмарки достигали 2 млн руб. В 1775 г. Верхнеудинск – провинциальный центр Иркутской провинции, в 1783 г. – уездный, а с 1851 г. – административный центр Верхнеудинского округа. В то же время Чита в середине XVIII в. представляла собой небольшое сельское поселение, в котором, по ревизии 1762 г., проживало всего 73 жителя, к 20-м гг. XIX в. население Читы возросло до 300 человек, а сама Чита становится центром Читинской волости. В 1851 г. население Читы насчитывало 659 человек [Энциклопедия Забайкалья 2006: 308–309]. По мнению современников, Чита представляла собой захолустный городишко, здесь могло найтись «всего два-три хороших дома», в которых можно было размещать приезжающих чиновников. С большим трудом отыскивали дом с двумя приличными комнатами, в одну из которых поместили часть канцелярии областного правления, в другую – окружного суда. Комнат для областного прокурора и особого помещения для полиции не нашлось вовсе – дела этих учреждений пришлось хранить на квартирах чиновников. Тем не менее по представлению Н. Н. Муравьева указом императора Николая I от 11.07.1851 именно Чита была объявлена центром вновь образованной Забайкальской области [ПСЗРИ-II: № 25394]. Одновременно она становится центром Забайкальского казачьего войска. Несколько позже из Читы начинаются знаменитые амурские экспедиции, положившие начало реальным действиям России по закреплению Приамурья. По меткому замечанию П. А. Кропоткина, Чита как город родилась «вследствие служебной необходимости» [1992: 291].

Таким образом, выбор Читы как столицы нового административного образования, территориально расположенной гораздо ближе к разворачивающимся событиям,

был составной частью замыслов Н. Н. Муравьева по реализации многоходовой дальневосточной комбинации. Забайкалье и его столица стали своего рода демографическим и продовольственным ресурсом последующего продвижения России к берегам Великого океана. Административная политика во всех ее ипостасях рассматривалась генерал-губернатором как составная часть внешнеполитической программы. Административные преобразования Н. Н. Муравьева во вверенном его управлению крае создали своего рода военно-стратегический плацдарм в виде Забайкальской области с центром в Чите, в недрах которого и развернулись последующие события.

В этом же ключе, как представляется, следует рассматривать и конфессиональную политику Н. Н. Муравьева в Забайкалье, связанную с разработкой и проведением в жизнь положения о ламайском духовенстве 1853 г., вплоть до конца империи определившим стандарты взаимоотношения государства и буддийской церкви в России. Ко времени рассматриваемых событий история православной церкви в России насчитывала почти тысячелетний период существования. Историю взаимоотношений светских и духовных властей в России нельзя назвать безоблачной. Во времена петровских преобразований происходит замена патриархата Священным Синодом и обязанности главы «первенствующей и главенствующей» церкви России стал выполнять назначаемый государством чиновник. Тем не менее православная церковь продолжала претендовать на эксклюзивное положение в государстве, а священнослужители на протяжении XVIII и XIX вв. добивались расширения своих сословных привилегий [Миронов 2003: 98–110]. Полиэтничность государства, как и религиозное многообразие подданных, по мнению московских, а впоследствии и петербургских властей, не рассматривалась как нечто ненормальное. Важен был факт принадлежности к определенной конфессии, что расценивалось как свидетельство наличия морали, порядка и послушания закону, пусть и с национальными очертаниями. Однако нельзя не признать, что все империи в конечном итоге стремятся к единообразию, в том числе и религиозному, источником которого должен быть сюзерен – монарх.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «иностранцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «иностранцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс.

Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Авторы настоящей публикации не раз отмечали, что окраинная политика империи отличалась прагматизмом и известной гибкостью [Дамешек, Дамешек 2018: 87–110]. Однако это не означает, что имперские цели по насаждению «русского духа» на окраинах государства отходили на второй план. Конфессиональное разнообразие народов России рассматривалось правительством как вынужденное, временное явление. Принципиальные взгляды сибирской администрации на эту тему были изложены иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в специальной Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет [Библиотека РГИА. Печатные записки: № 131]. Применительно к народам Сибири проект А. П. Игнатьева, как отмечал сам автор, – это «обрусение иностранцев», полное подчинение их русскому законодательству [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9]. Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете Министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом на-

писал: «Да! Весьма пора» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12–12об.]. В достижении этой цели сторонники обрусительного направления в политике по отношению к народам Сибири немаловажную роль отводили православию. Даже в конце XIX в. в Восточной Сибири нередко были случаи массового крещения бурят по различным «поводам», «случаям» и т. д. В 1891 г. в Иркутской губернии в аларских степях в связи с проездом цесаревича Николая Александровича развернулась массовая кампания по крещению бурят. В Петербург прибыла с жалобами бурятская делегация. Она не была принята царем, но слухи об этих безобразиях проникли в печать. Даже князь В. П. Мещерский, издатель небезызвестного «Гражданина», по этому поводу замечал, что слухи эти «весьма неутешительны», а религиозные преследования в Прибайкалье напоминают «самые лютые времена» [Зайончковский 1970: 130].

Однако в соседней Забайкальской области религиозная политика государства по отношению к бурятам была иной. Отсутствие четко обозначенной цинской границы, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурятских племен, требовавшее постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, мощные, сложившиеся на протяжении веков буддийские традиции по-нуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но и внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением статус-кво в области выгодной для России торговли с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе, зачастую недружественной политики последней на Дальнем Востоке «ламский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье.

В Восточной Сибири буддизм стал распространяться с середины XVII в. русский посол в Китае Николай Спафарий во время своего трехлетнего путешествия по Сибири тщательно вел дневник, в котором применительно к Забайкалью 70-х гг. XVII в. отмечал наличие «ламских юрт» в долине р. Селенги [История Бурятии 2011: 169; Арсеньев 1882]. Однако только после формального определения границы России и Китая в 1727 г. царское правительство приступило к регламентации положения буддистов в России. Первый нормативный акт российского правительства – Инструкция пограничным дозорщикам 1728 г. С. Л. Владиславича-Рагузинского – четко определил автокефалию еще не существующей буддийской церкви и предписал готовить лам исключительно из среды местного бурятского населения [Сычевский 1875: 32–36; Дамешек 2013]. В 1741 г. Указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был официально признан и утвержден штат буддийского духовенства. В 1822 г. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского подтвердил право сибирских инородцев на свободу вероисповедания [ПСЗРИ-I Т. 38: № 29126, § 288]. Однако наступательное движение Русской православной церкви на народы Сибири, с одной стороны, и сокращение доходности края – с другой, породили в определенных кругах российской администрации сомнения в правильности такой политики. Растущие недоимки в Забайкалье, неприятие бурятами православия стали связывать с быстрым ростом числа лам (в середине XIX в. общее число жителей-буддистов достигло 125 тыс., а число священнослужителей – 4556. – *Авт.*) и освобождением последних от уплаты налогов. Именно поэтому в 30-х гг. XIX в. возник ряд проектов по ужесточению политики в отношении буддийской церкви в Забайкалье. Естественно, что Н. Н. Муравьев при разработке своих вариантов решения буддийского вопроса должен был учитывать ранее высказанные суждения, тем более что они исходили от высокопоставленных чиновников Министерства внутренних дел (проекты камер-юнкера Левашова и генерал-губернатора Вос-

точной Сибири А. С. Лавинского. – *Авт.*). В то же время он хорошо сознавал, что насильственные меры по ограничению связи бурят-буддистов с сопредельными монгольскими племенами приведут не только к падению престижа империи в этом отдаленном от центра страны крае, но могут породить и сепаратистские настроения, возбудить «ропот» среди бурят – в этом до сих пор «робком... покорном и совершенно довольном своим положением народе». В итоге в 1853 г. было принято Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири, в котором утверждалось 285 штатных лам и 34 дацана, все остальные должности объявлялись вне закона. В своих основных чертах это положение действовало до конца романовской империи. Запретительные черты, ограничивающие связь забайкальских лам с Монголией, диктовались интересами дальневосточной политики России. Монголия, входившая в состав Маньчжурской империи, рассматривалась правительством как возможный потенциальный противник усиления позиций России на Дальнем Востоке. Хотя на практике запретительные меры не достигли желаемых результатов. Ламаизм во второй половине XIX в. стремительно распространяется в Забайкалье. В эпоху контрреформ 80–90-х гг. на всероссийских съездах миссионеров стали открыто звучать требования по переработке Положения 1853 г. в сторону ужесточения. Первый такой съезд состоялся в Иркутске летом 1885 г. [РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 189. Л. 1–7об.].

В работе съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский – Владимир, Енисейский – Исаакий, Селенгинский – Мелетий, Киренский – Макарий. Кроме того, в работе съезда участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев, военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш, исполняющий должность Иркутского гражданского губернатора Петров. Заседания съезда были открытыми лишь частично, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство», и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму. Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд, – великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось «особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье». В совещании участвовали обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр внутренних дел И. Н. Дурново, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф. Участники совещания признали «существенно необходимым» переработать положение 1853 г. в сторону ужесточения [Там же. Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300. Л. 2–4]. Однако, несмотря на все усилия ведомства К. П. Победоносцева по ограничению влияния буддизма в Забайкалье, Министерство иностранных дел последовательно занимало противоположную позицию, предпочитая стабильную внешнеполитическую ситуацию в регионе, усиление влияния России в сопредельных буддийских странах Монголии и Китае сомнительным успехам распространения православия в регионе.

Одним из наиболее значимых результатов деятельности Н. Н. Муравьева и возглавляемой им администрации стало подписание Айгунского договора с Китаем в 1858 г., принесшее генерал-губернатору заслуженные награды, титул графа, почетную приставку к фамилии – Амурский, признание и уважение современников и потомков. Авторы настоящей статьи не ставят перед собой задачу описать всю не-

сомненно выдающуюся амурскую эпопею Н. Н. Муравьева, тем более что удачные примеры на этот счет уже имеются в исторической литературе. Гораздо важнее, как представляется, высказаться по спорному вопросу: каким путем – военным или при помощи иных методов – осуществлялось заселение дальневосточной окраины. В современной историографии на этот счет высказано два взаимоисключающих суждения. Авторы «Истории Дальнего Востока» действия Н. Н. Муравьева оценивают как стремление военным путем захватить Приморье и Сахалин. Н. П. Матханова, наоборот, полагает, что в основе политики Муравьева на Дальнем Востоке лежало стремление заселить Дальний Восток путем создания там русских поселений, пусть и военизированных [1998: 151]. Представится, что ответ на этот вопрос может быть дан только с учетом совокупности всех мероприятий Н. Н. Муравьева по закреплению Дальнего Востока в составе России. Существенную помощь в этом дает анализ правил для переселения в Приамурский край, предусматривающих возможность перемещения всех лиц свободных состояний «по желанию». По своей сути это был буржуазный проект, хотя и неосуществленный. Тем не менее административное переоформление управленческой карты Дальнего Востока, появление новых областей во главе с губернаторами, новых городов и сельских поселений способствовало не только устранению вакуума власти, но и экономическому закреплению Дальнего Востока в составе России. Разумеется, в этом процессе важную роль играли и вновь создаваемые военные центры. Однако именно экономическая экспансия России способствовала тому, что во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. регион приобрел самоценность. Опасность потерять его в результате военного отторжения или растворить местное русское население в потоке «желтой расы» заставила правительство сосредоточиться именно на экономических вопросах. Централизации власти, большей управляемости региона способствовало и создание Приамурского генерал-губернаторства.

Примечание

I. В ПСЗРИ-I этот указ датируется 18 декабря 1708 г. [№ 2218]. Однако М. М. Шумилов такое утверждение считает ошибочным, отмечая, что начало первой областной реформы следует отнести к 1710 г. [1991: 14].

Источники и литература

Библиотека Российского государственного исторического архива (Библиотека РГИА). Печатные записки. № 131.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-I), т. IV, 38.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-II), т. 26.

Список генералитету по старшинству. – СПб.: Воен. тип., 1809–1916.

Список гражданским чинам первых четырех классов по старшинству / сост. в Герольдии и испр. по 1 сент. 1843. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1843.

Список гражданским чинам первых III классов. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1858–1869 и др.

Арсеньев Ю. В. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. / Ю. В. Арсеньев // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. – 1882. – Т. 10. – Вып. 1.

Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк / И. А. Блинов. – СПб.: Типолит. К. Л. Пентковского, 1905. – 366 с.

Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1 / А. Д. Градовский. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – 421 с.

Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 208 с.

Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в. (К 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владислава-Рагузинского и 250-летию именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...») / Л. М. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 2(10). – С. 68–77.

Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Избранное. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 208 с.

Ерошкин Н. П. Чиновничество / Н. П. Ерошкин // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. – М., 1963. – 542 с.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 444 с.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. – СПб., 2001. – 452 с.

История Бурятии. Т. II: XVII – начало XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 630 с.

Кропоткин П. А. Дневники из разных лет / П. А. Кропоткин; сост., подгот. текста, примеч. А. П. Лебедева; вступ. ст. А. В. Аникина. – М.: Сов. Россия, 1992. – 464 с.

Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири в середине XIX века (В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков) / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 1998. – 428 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. II / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дм. Буланин, 2003. – 583 с.

Пестель И. Б. Бумаги / И. Б. Пестель // Русский архив. – 1875. – Кн. 4.

Политическая история: Россия–СССР–Российская Федерация: в 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. – 656 с.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). В 7 т. Т. 2: Ч. 1: Комитет министров в царствование императора Николая Первого (1825 г. ноября 20 – 1855 г. февраля 18). / сост. С. М. Середонин. – СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. – 373 с.

Соколов К. Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора / К. Н. Соколов // Вестник права. – 1903. – Кн. 7.

Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846 г. / Е. И. Сычевский. – М., 1875.

Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века / М. М. Шумилов. – М.: Прометей, 1991. – 218 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. В 4 т. Т. 4: С – Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Забайкал. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Наука, 2006. – 526 с.

References

Biblioteka Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva (Biblioteka RGIA). Pechatnye zapiski. № 131.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI-I), t. IV, 38.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI-II), t. 26.

Spisok generalitetu po starshinstvu. – SPb.: Voen. tip., 1809–1916.

Spisok grazhdanskim chinam pervyh chetyrekh klassov po starshinstvu / sost. v Gerol'dii i ispr. po 1 sent. 1843. – SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1843.

Spisok grazhdanskim chinam pervyh III klassov. – SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1858–1869 i dr.

Arsen'ev Yu. V. Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. / Yu. V. Arsen'ev // Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. – 1882. – T. 10. – Vyp. 1.

Blinov I. A. Gubernatory: istoriko-yuridicheskij ocherk / I. A. Blinov. – SPb.: Tipo-lit. K. L. Pentkovskogo, 1905. – 366 s.

Gradovskij A. D. Sobr. soch. T. 1 / A. D. Gradovskij. – SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1899. – 421 s.

Dameshek I. L. Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (komparativnoe issledovanie okrainnoj politiki Rossii v pervoj polovine XIX v.) / I. L. Dameshek. – Irkutsk: Ottisk, 2002. – 208 s.

Dameshek L. M. Potestarnye instituty vlasti narodov Sibiri i ih evolyuciya v administrativnuyu sistemu imperii v XVIII v. (K 280-letiyu so dnya izdaniya instrukcii pogranichnym dozorshchikam S. L. Vladislava-Raguzinskogo i 250-letiyu imennogo ukaza Senatu «Ob otpravlenii kapitana Shcherbacheva v Sibir'...») / L. M. Dameshek // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2013. – № 2(10). – S. 68–77.

Dameshek L. M. Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.) / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek // Izbrannoe. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – 208 s.

Eroshkin N. P. Chinovnichestvo / N. P. Eroshkin // Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 4. – M., 1963. – 542 s.

Zajonchkovskij P. A. Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletiya / P. A. Zajonchkovskij. – M.: Mysl', 1970. – 444 s.

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossijskoj imperii. T. 1. – SPb., 2001. – 452 s.

Istoriya Buryatii. T. II: XVII – nachalo XX v. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 630 s.

Kropotkin P. A. Dnevnik iz raznyh let / P. A. Kropotkin; sost., podgot. teksta, primech. A. P. Lebedeva; vstup. st. A. V. Anikina. – M.: Sov. Rossiya, 1992. – 464 s.

Mathanova N. P. General-gubernatory Vostochnoj Sibiri v seredine XIX veka (V. Ya. Rupert, N. N. Murav'ev-Amurskij, M. S. Korsakov) / N. P. Mathanova. – Novosibirsk, 1998. – 428 s.

Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii. T. II / B. N. Mironov. – SPb.: Dm. Bulanin, 2003. – 583 s.

Pestel' I. B. Bumagi / I. B. Pestel' // Russkij arhiv. – 1875. – Kn. 4.

Politicheskaya istoriya: Rossiya–Rossijskaya Federaciya: v 2 t. T. 1. – M.: TERRA, 1996. – 656 s.

Remnev A. V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov / A. V. Remnev. – Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2004. – 552 s.

Seredonin S. M. Istoricheskij obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov: K stoletiyu Komiteta ministrov (1802–1902). V 7 t. T. 2: Ch. 1: Komitet ministrov v carstvovanie imperatora Nikolaya Pervogo (1825 g. noyabrya 20 – 1855 g. fevralya 18). / sost. S. M. Seredonin. – SPb.: Kancelyariya Kom. ministrov, 1902. – 373 s.

Sokolov K. N. Ocherki istorii i sovremennogo znacheniya general-gubernatora / K. N. Sokolov // Vestnik prava. – 1903. – Kn. 7.

Sychevskij E. I. Istoricheskaya zapiska o kitajskoj granice, sostavlenaya sovetnikom Troickosavskogo pogranichnogo upravleniya Sychevskim v 1846 g. / E. I. Sychevskij. – M., 1875.

Shumilov M. M. Mestnoe upravlenie i central'naya vlast' v Rossii v 50-h – nachale 80-h gg. XIX veka / M. M. Shumilov. – M.: Prometej, 1991. – 218 s.

Enciklopediya Zabajkal'ya: Chitinskaya oblast'. V 4 t. T. 4: S – Ya / Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, Zabajkal. gos. ped. un-t. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 526 s.